

УДК 902/904 (093)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.86.92>

ТЕКСТИЛЬ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ ПО ДАННЫМ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ XI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII ВЕКА

© 2023 г. Е.М. Калугина

В статье исследуются берестяные грамоты домонгольского времени, содержащие данные об использовавшемся на Руси текстиле. При рассмотрении грамот обращается внимание на применение населением текстиля из разных типов сырья, на упоминаемые в текстах виды древнерусских тканей, их окраску, назначение некоторых тканей. На основе анализа содержания грамот прослеживается участие текстиля в операциях купли-продажи, натуральном товарообмене, уплате податей. Кроме того, отмечается местное производство отдельных видов упоминаемых в грамотах тканей. Подчеркивается соответствие сведений, представленных в грамотах и в летописных источниках. Изучение берестяных грамот показало, что в Домонгольской Руси был распространен текстиль из шелка, шерсти и растительных волокон; при этом, текстиль являлся предметом внутренней торговли, он продавался на рынке, обменивался на другие товары. Также исследование подтвердило факт использования древнерусским населением импортных тканей, в том числе византийского и восточного производства, что указывает на участие Руси в международной торговле.

Ключевые слова: археология, средневековье, домонгольская Русь; берестяные грамоты, источник, виды тканей, сырье, ткани местного производства, импорт.

PRE-MONGOL RUS TEXTILES ACCORDING TO BIRCHBARK LETTERS OF THE 11TH – FIRST THIRD OF THE 13TH CENTURY

E. M. Kalugina

The author considers Pre-Mongol birchbark letters, containing data on textiles common in Rus. When studying birchbark letters, a special focus is given to the information on the use of textiles made of different raw materials, to the types of Old Russian textiles mentioned in the texts, their coloring, to the ways of using of some textiles. On the basis of the analysis of the content of these letters, it's figured out that textiles were involved in purchase and sale operations, natural exchange, tax payments. Besides that, the local manufacturing of certain types of textiles is noted. It's also stressed that the data presented in birchbark letters corresponds to the information from the chronicle sources. Thus, the study of birchbark letters showed that Pre-Mongol Rus population used textiles made of silk, wool and vegetable fibers; textiles were the object of internal trade, they were being sold at the domestic market or being bartered for other goods. The research also proved the fact of wide spread of imported textiles, including Byzantine and Eastern products, which indicates the participation of Rus in international trade.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Pre-Mongol Rus, birchbark letters, source, range of textiles, raw material, local textiles, imported textiles.

Сведения о текстиле домонгольской Руси дают археологические материалы и письменные источники. При этом особую группу источников составляют берестяные грамоты XI – первой трети XIII в. Представляется, что данные берестяных грамот имеют важное значение при изучении текстиля домонгольской Руси, так как грамоты являлись документами повседневного общения, писались с определенными практическими целями и не были предназначены для неограниченного круга читателей, в том числе для изучения потомками, соответственно, содержа-

ние грамот было приближено к реальностям жизни населения средневековых городов. Кроме того, документы на бересте датируются в большинстве случаев с точностью до 20–50 лет (Зализняк, 2004, с. 19), в связи с чем могут быть отнесены к достаточно узкому хронологическому периоду.

Берестяные грамоты, содержащие информацию о текстиле домонгольской Руси, обнаружены в Новгороде, Старой Руссе и Торжке. Следует отметить, что тексты, касающиеся текстиля, составляют лишь незначительную часть от общего числа выявленных грамот.

Так, в настоящее время имеются сведения об обнаружении в древнерусских городах порядка 1212 берестяных грамот, из которых 634 грамоты составлены в домонгольский период (gramoty.ru); при этом лишь в 22 грамотах XI – первой трети XIII в. имеются упоминания непосредственно о текстиле (20 грамот из Новгорода, по 1 грамоте из Ст. Руссы и Торжка). Грамоты, касающиеся текстиля, относятся к числу частных писем и деловых документов.

подавляющее большинство рассматриваемых грамот найдены в Новгороде. Среди всех новгородских грамот со сведениями о текстиле выделяется группа текстов, обнаруженная на Троицком раскопе, автором которых являлся Яким. Все грамоты Якима датированы последней четвертью XII в. – первой четвертью XIII в. Они представляют собой в основном хозяйственные записи с указанием размера, стоимости и количества разных предметов.

В нескольких грамотах Якима упоминается такая ткань, как водмол. В частности, в грамоте № 927, являющейся записью о расходах либо поручением доставить продавцу деньги за покупку товара, отмечено: «А вот за водмолец монашеский пять с половиной кун» (Зализняк, 2004, с. 482). Водмолем называли один из видов сукна, который был грубым и небеленым (Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015, с. 20). Приведенный текст указывает стоимость сукна, подлежащего получению или оплате. Из грамоты следует, что водмол предназначался для шитья монашеской одежды либо был изготовлен монахами, а также что в Новгороде данный вид ткани являлся предметом купли-продажи. Кроме того, информация о водмоле содержится в написанной Якимом грамоте № 1032: «А вот за водмол за 20 локтей без шести...» (Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015, с. 131–132). В процитированной грамоте указывалась цена водмола, но продолжение фразы не сохранилось. Тот же вид сукна упоминается и в грамоте Якима № 1023, в одном из фрагментов которой перечислены разные товары и имена людей, у которых эти товары приобретались: «У Нежаты Худочевича 4 дежи овса за водмол...» (Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015, с. 122). Грамота является хозяйственным документом, в котором учитывались товары и оплата за них. Текст позволяет предположить, что в доме Нежаты изготавливался водмол,

который он поставлял в хозяйство Якима, и за это Нежате платили зерном (Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015, с. 122). При этом в сведениях из грамоты усматривается, что в Новгороде оплата за товары могла производиться не только деньгами, но и сельскохозяйственной продукцией.

В записях Якима имеются данные и о других видах тканей. Например, в грамоте № 992 говорилось: «А за 5 локтей червленицы гривна...» (Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015, с. 93). Червленицей называлась дорогая ткань, которая использовалась для церковных одежд (Покровская, Рыбина и др., 2010, с. 122); такая ткань имела красный цвет. В приведенном тексте указывается стоимость ткани, причем по сравнению с ранее упомянутым водмолем стоимость червленицы была гораздо выше (стоимость водмола измерялась в кунах, а стоимость червленицы – в гривнах).

К категории грамот о тканях может быть отнесена еще одна грамота Якима, хотя в ней и не говорится напрямую о каких-либо видах текстиля. Так, в грамоте № 978 отмечено: «(У) Дорожинежичей двадцать пять локтей, по 7 в резане...» (Гиппиус, Сичинава, 2021, с. 228; Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015, с. 86). Учитывая, что в рассматриваемом документе мерой измерения являются локти, данную запись следует отнести к операциям с тканью.

Необходимо обратить внимание на то, что Яким не только был автором текстов, но также стал адресатом одной из грамот, упоминающих ткани: грамота № 1110, представляющая собой письмо, адресованное Якиме. В тексте, который был написан Рощеной, последняя поручает Якиме купить ряд товаров, в том числе «...четыре воротника из паволоки...» (Гиппиус, 2019, с. 58–59). Термином паволока с конца XI в. обозначали гладкие однотонные шелковые ткани импортного производства, как правило, византийского (Фехнер, 1982, с. 64). Поскольку Рощена просит купить ей воротники из паволоки, являвшейся достаточно дорогой импортной шелковой тканью, данный документ указывает на состоятельность и знатность женщины, пославшей письмо. Представляется, что текст грамоты свидетельствует о наличии на новгородском рынке паволоки и, соответственно, об участии Руси во внешнеторговых операциях с тканями. При этом рассматриваемая грамота перекликается со сведениями летописных источников

о распространении на Руси византийского шелка (Повесть..., 1996, с. 153, 169; Полное собрание..., 1927, стб. 370, 392).

О другом виде шелка говорит грамота № 675 (40–60-е гг. XII в.), найденная на Троицком раскопе. Грамота является началом письма, автор которого обращается к Миляте и, перечисляя товарно-денежные операции, осуществлявшиеся в Киеве, Луках и Суздале, упоминает о состоявшейся у него с адресатом договоренности: «...из твоих фодудий девять выговорил я себе» (Зализняк, 2004, с. 297). К фодудьям относили восточные златотканые материи (Янин, Зализняк, 1993, с. 63). Данный текст доказывает факт осуществления новгородцами торговых операций в различных регионах Руси и хождения на Руси восточного златотканого текстиля. Кроме того, указанная информация свидетельствует о торговых связях Руси и стран Востока, а также подтверждает данные летописей об использовании на Руси фодудий (Повесть..., 1996, с. 20; Полное собрание..., 1927, стб. 290).

Следует отметить еще четыре грамоты, содержащие сведения о сукне. В частности, грамота № 1057 (40–70-е гг. XII в.), обнаруженная на Рогатицком-2 раскопе, представляет собой документ из двух строк, посвященный приобретению ткани: «За водмол тридцать одна гривна и 10 кун – семьсот пятьдесят (очевидно, локтей); за снаряжение пять с половиной гривен» (Гиппиус, Сичинава, 2021, с. 232). Данная запись является еще одним подтверждением того, что водмол был предметом продажи, а также в тексте указана цена водмола (31 гривна и 10 кун за 750 локтей).

Об осуществлении новгородцами торговли сукном свидетельствует и грамота № 1116 (20–90-е гг. XII в.), обнаруженная на Троицком раскопе. Автор письма просит адресата продать товар, в том числе сукно: «...Сукно продай Сновиду – там сукна на (такую-то сумму). Денег никому не отдавай...» (Гиппиус, 2020, с. 27). Найденная там же грамота № 1114 является фрагментом письма, в котором содержится поручение: «... (заплатите) ячменьком 17 луконов за сукна...» (Гиппиус, 2020, с. 23). Приведенная запись указывает на то, что у новгородцев были распространены платежи не только деньгами, но и другими товарами, в данном случае за сукно предлагалось заплатить зерном. В грамоте № 511,

происходящей из слоев второй половины XII в. Козмодемьянского раскопа, сохранилась лишь часть текста: «От Лазоря ко от ... сукно свить» (Арциховский, Янин, 1978, с. 109). Поскольку, исходя из контекста, в рассматриваемой грамоте «свить» означает вид одежды – свиту (Арциховский, Янин, 1978, с. 109), представляется, что приведенная запись указывает на один из способов применения сукна – из него шили свиты.

О сукне писал и автор грамоты № 245, обнаруженной на Неревском раскопе в слоях второй половины XI в. Плохо сохранившийся текст грамоты был реконструирован следующим образом: «Сукна мои за тобой: красное, очень хорошее – 7 аршин» (Зализняк, 2004, с. 275). Данное сообщение свидетельствует о том, что сукна на Руси окрашивались в разные цвета, в том числе в красный. Также из грамоты усматривается, что сукно могло отличаться качеством.

В новгородских грамотах имеется информация не только о тканях из шерсти и шелка, но и о тканях из растительного сырья. Так, грамота № 609, обнаруженная на Троицком раскопе и датированная 40–90-ми гг. XII в., является хозяйственным документом, содержащим перечень имущества. В тексте приводится список товаров с их ценой, в том числе указаны траты на ткани: «Веретище – 3 ногаты. 40 локтей (не указано, чего) – 9 кун... Полотно – 2 куны» (Зализняк, 2004, с. 425). Вретищем называли грубую ткань, сделанную из льна или конопли; вретище могли использовать как одеяло или подстилку, а также из него делали полог над постелью, который носил такое же название (Зализняк, 2004, с. 425). Полотном считалась обычная льняная ткань, применявшаяся для изготовления повседневной одежды (Срезневский, 1902, стб. 1138). Данная грамота дает сведения о стоимости вретища, полотна и еще одной не названной ткани; кроме того, текст дает представление о соотношении цен на отдельные ткани из растительного сырья, при этом полотно стоило наиболее дешево.

Полотно упоминается и в грамоте № 384 (1160–1200 гг.). Она является письмом Стойнега, адресованным матери, в котором имеется перечень переданных Савве (или купленных у него) предметов, в числе которых указаны «вожжи, полотно, две ложки, два ножа, точильный камень. Вожжи льняные» (Петру-

хин, 2021, с. 411). Перечисление полотна в ряду обычных предметов домашнего обихода говорит о том, что оно было широко распространено среди населения и предназначалось для повседневного использования.

В грамоте № 644 с Троицкого раскопа, датированной первым двадцатилетием XII в., женщина по имени Нежка предъявляет своему брату Завиду претензии по поводу того, что он не присылает ей колтки (височные подвески), и пытается выяснить у брата причину неисполнения ее заказа: «Ты дал мне полотнишко; если поэтому не отдаешь [то, что я дала выковать], то извести меня» (Зализняк, 2004, с. 267). Приведенный текст свидетельствует о распространенности в обиходе льняных тканей, а употребление названия ткани в уменьшительной форме (в грамоте употреблено «хамече» как уничижительная форма от «хамо» – полотно (Янин, Зализняк, 1993, с. 42), что в переводе отображено как «полотнишко») может указывать на небольшую ценность такого текстиля.

Грамота № 722, найденная в Троицком раскопе и относящаяся к середине XII – первому десятилетию XIII в., представляет собой перечень имущества со сведениями о его стоимости, где, помимо шкур животных и денег, отмечены ткани: «Сетей, сукон и холстов – на три гривны» (Гиппиус, 2020, с. 26). О холсте – простой льняной ткани – говорится и в грамоте № 1113, найденной на раскопе Дубошин-2 и датированной последними десятилетиями XII в. Прочитанный документ является письмом, отправленным Иванком и Мирославой, в котором они поручают адресатам сообщить падчерице о необходимости послать им ткань: «...скажите [ей]: «Пошли, вражина, чужой холст: мне нужно сейчас заплатить 18 кун, а я с пустыми руками...» (Гиппиус, 2019, с. 61). Исходя из рассматриваемого текста, льняные ткани так же, как шелковые и шерстяные, являлись предметом купли-продажи. В письме не указаны количество холста и его цена, но поскольку вопрос о возврате упомянутой ткани ставился в зависимости с выплатой 18 кун, представляется, что ее стоимость была сопоставима с данной суммой.

Интересной является информация, содержащаяся в грамоте № 718 (60-е гг. XII в. – первая треть XIII в.), найденной на Михаило-Архангельском раскопе и посвященной сбору недоимки с территории Бежецкого Верха.

В тексте рассматриваемого документа указываются денежные средства и натуральные продукты, составляющие подать, в том числе: «2 попон(е), 2 меха, 2 клетница» (Янин, Зализняк, 2000, с. 16). Как видно из перечня, в число предметов, взыскиваемых в качестве недоимки, включены ткани. Клетнице – это грубый домотканый холст, который изготавливался из льна или конопли (Зализняк, 2004, с. 469). Поскольку клетница взыскивались в качестве подати, представляется, что данный текстиль был местного производства и вырабатывался самим населением, подлежащим обложению.

Необходимо также обратить внимание на грамоту, в которой сведения о тканях даются путем указания их цвета. В частности, в грамоте № 713, найденной на Троицком раскопе и относящейся к концу XII – первому десятилетию XIII в., содержался перечень хозяйственных указаний, в которых Михаль пояснял Прокше, как поступить с определенным товаром, в том числе давал распоряжения в отношении «церѣмени», «роудащечне» и «голубине» (Янин, Зализняк, 2000, с. 12). Перечисленные Михалем наименования являлись названиями тканей в соответствии с их окраской: «чермень» – красная материя, «рудащина» – буро-красная, «голубина» – голубая (Зализняк, 2004, с. 725, 793, 817). Приведенный текст свидетельствует о разнообразии оттенков цвета, в которые окрашивались ткани на Руси. При этом, поскольку автор называет лишь цвета тканей без дополнительных пояснений об их составе и характеристиках, представляется, что новгородцам было хорошо известно соответствие таких наименований конкретному виду текстиля.

Грамота № 908 с Троицкого раскопа, относящаяся к последней трети XI – началу XII в., может быть отнесена к грамотам о текстиле лишь предположительно. Текст данной грамоты состоит из нескольких слов: «О днь 4 посади» (Янин, Зализняк, Гиппиус, 2004, с. 101). Поскольку «поставь» может означать либо «кусочек ткани определенного размера», либо «кушанье, блюдо», то одной из трактовок приведенной записи является: «За день четыре поставы (сукна и т. п.)» (Зализняк, 2004, с. 248). При таком варианте перевода рассматриваемая грамота имеет непосредственное отношение к тканям, представляя собой сообщение о получении товаров или подати.

Следует отметить, что грамоты, касающиеся текстиля, наряду с Новгородом, были также обнаружены в Ст. Руссе и Торжке.

Так, грамота № 8, происходящая из Ст. Руссы и датируемая первой половиной XII в., является фрагментом письма, в котором автор сообщает жене или матери, как себя вести с судебным исполнителем. При этом в тексте упоминается «...подкладка с узором из крупных звезд, желтое» или какая-то одежда с подкладкой из такой ткани (Зализняк, 2004, с. 328), которую адресату предлагается использовать при расчетах (отрезать либо отдать часть денег от ее продажи). Узор в форме звезд был характерен для многоцветного узорного шелка (камки, аксамита) (Арциховский, Янин, 1978, с. 149). Данное письмо подтверждает, что в Ст. Руссе использовались импортные ткани, которые могли быть предметом купли-продажи и иных сделок.

В Торжке на Воздвиженском раскопе была найдена грамота № 2, относящаяся к последнему 40-летию XII в. и представляющая собой начало письма Мануйлы, адресованного Сбыне. Текст письма включал поручение о продаже паволок: «Продалѣ есмь паволокоу...

(гр)ивньнъ...» (Янин, Зализняк, Гиппиус, 2004, с. 121). Приведенная запись свидетельствует о том, что в Торжке продавался византийский дорогой шелк, то есть на рынке данного города имелись импортные ткани.

Таким образом, берестяные грамоты содержат сведения о том, что в домонгольский период на Руси имел применение текстиль из шелка, шерсти и растительных волокон. Кроме того, грамоты указывают конкретные виды тканей из каждого сорта сырья (в том числе ткани из шерсти: сукно, водмол; ткани из шелка: паволоки, фюфудьи; ткани из растительных волокон: полотно, холст, вретиче, клетиче). Также рассматриваемые документы отмечают разную окраску используемых тканей (червленица, чермень, рудащина, голубина). Берестяные грамоты свидетельствуют о том, что ткани являлись предметом внутренней торговли и что оплата за них производилась как деньгами, так и в натуральной форме. Одновременно грамоты подтверждают использование на Руси импортных тканей византийского и восточного производства, что говорит об участии Руси в международной торговле.

ЛИТЕРАТУРА

Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М.: Наука, 1978. 192 с.

Гиппиус А.А. Берестяные грамоты из раскопок 2018 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2019. №4. С. 47–71.

Гиппиус А.А. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2020. №5. С. 22–37.

Гиппиус А.А., Сичинава Д.В. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2. С. 178–259.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Петрухин П.В. Письмо Стойнега к матери (К переводу новгородской берестяной грамоты № 384) // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сборник статей к 70-летию академика А.М. Молдована / Ред. А.А. Пичхадзе, И.С. Юрьева, Е.А. Мишина, М.С. Мушинская, Ю.В. Кагарлицкий. М.; СПб: Нестор-История, 2021. С. 403–412.

Повесть временных лет / пер., ст. и комм. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб: Наука, 1996. 667 с.

Покровская Л.В., Рыбина Е.А., Сингх В.К., Сорокин А.Н., Степанов А.М., Янин В.Л. Археологические исследования Людина конца в Новгороде в 2001–2010 гг. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2010. №4. С. 115–128.

ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л.: АН СССР, 1927. 200 стб.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам (в трех томах). Т. 2. СПб: Тим. Имп. Академии наук, 1902. 15 с., 1802 стб.

Фехнер М.В. Шелковые ткани в средневековой восточной Европе // СА. 1982. № 2. С. 57–70.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. 311 с.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 1993. 352 с.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Т. X. М.: Русские словари, 2000. 430 с.

Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). Т. XI. М.: Русские словари, 2004. 288 с.

Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М.: Языки славянской культуры, 2015. 285 с.

Gramoty.ru: Древнерусские берестяные грамоты. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/list/?requestId=&number=&conventionalDateInitialYear=1020&conventionalDateFinalYear=1230&text=&translation.> Дата обращения: 14.08.2022.

Информация об авторе:

Калугина Елизавета Михайловна, магистрант 2 курса, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия); kalugina_lizaa@mail.ru

REFERENCES

Artsikovskii, A. V., Zaliznyak, A. A. 1978. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1962–1976 gg.)*. (Novgorod birchbark letters (from the excavations in 1962–1976)). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Gippius, A. A. 2019. In *Voprosy yazykoznaniiya (Topics in the study of language)* (4), 47–71 (in Russian).

Gippius, A. A. 2020. In *Voprosy yazykoznaniiya (Topics in the study of language)* (5), 22–37. (in Russian).

Gippius, A. A., Sichinava, D. V. 2021. In *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)* (2), 178–259 (in Russian).

Zaliznyak, A. A. 2004. *Drevnenovgorodskiy dialekt (Old Novgorod dialect)*. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul'tury” Publ. (in Russian).

Petrukhin, P. V. 2021. In Pichkhadze, A. A., Yur'eva, I. S., Mishina, E. A., Mushinskaya, M. S., Kagarlitskii, Yu. V. (eds.). *Slova, konstruktii i teksty v istorii russkoy pis'mennosti: Sbornik statey k 70-letiyu akademika A.M. Moldovana (Words, constructions and texts in the history of Russian writing system)*. Moscow; Saint Petersburg: “Nestor-Istoriya” Publ., 403–412 (in Russian).

Adrianovoy-Peretts, V.P. (ed.), Likhachev, D. S. (trans. and comm.). 1996. *Povest' vremennykh let (The Tale of Bygone Years)*. Saint Petersburg: “Nauka” Publ. (in Russian).

Pokrovskaya, L. V., Rybina, E. A., Singkh, V. K., Sorokin, A. N., Stepanov, A. M., Yanin, V. L. 2010. In *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda (Bulletin of the Russian Foundation for Humanities)* 4, 115–128 (in Russian).

Lavrent'evskaia letopis' (Laurentian Chronicle) 2 Suzdal'skaia letopis' po Lavrent'evskomu spisku (Suzdal Chronicle according to the Laurentian Code). 1927. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) I. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Sreznevskii, I. I. 1902. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam (v trekh tomakh) (Materials for the dictionary of the Old Russian language according to the written monuments)* 2. Saint Petersburg: Typhography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Fekhner, M. V. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 57–70 (in Russian).

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. 1986. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)*. (Novgorod birchbark letters (from the excavations in 1977–1983)). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. 1993. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)*. (Novgorod birchbark letters (from the excavations in 1984–1989)). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. 2000. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.)*. (Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1990–1996)) XI. Moscow: “Russkie slovari” Publ. (in Russian).

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A., Gippius, A. A. 2004. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.)*. (Novgorod birchbark letters (from the excavations in 1997–2000)) XI. Moscow: “Russkie slovari” Publ. (in Russian).

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A., Gippius, A. A. 2015. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)*. (Novgorod birchbark letters (from the excavations in 2001–2014)) XII. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul'tury” Publ. (in Russian).

Gramoty.ru: Drevnerusskie berestyanye gramoty (Old Russian birchbark letters). Available at: <http://gramoty.ru/birchbark/document/list/?requestId=&number=&conventionalDateInitialYear=1020&conventionalDateFinalYear=1230&text=&translation>. (accessed 14.08.2022)(in Russian).

About the Author:

Kalugina Elizaveta M. Herzen University. 48 Moika Embankment, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; kalugina_lizaa@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.